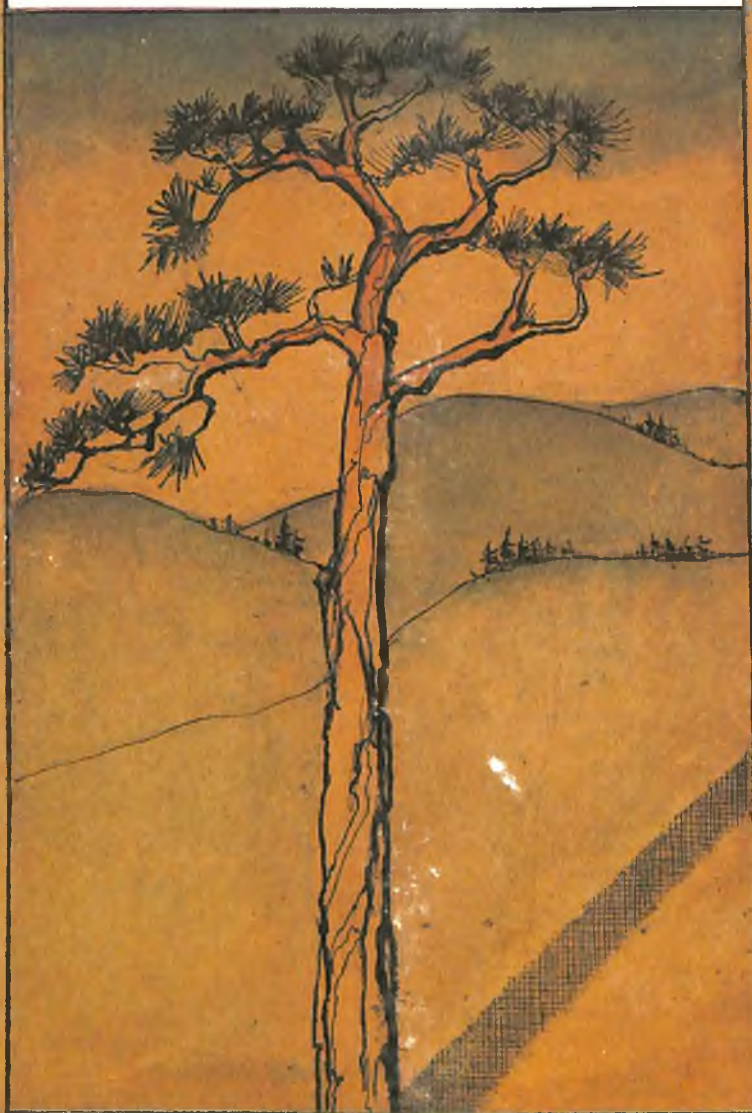

84/2-632.1/6
У435

Борис Укачин

ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ
ПО ЗЕМЛЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копия, пред. выдач.

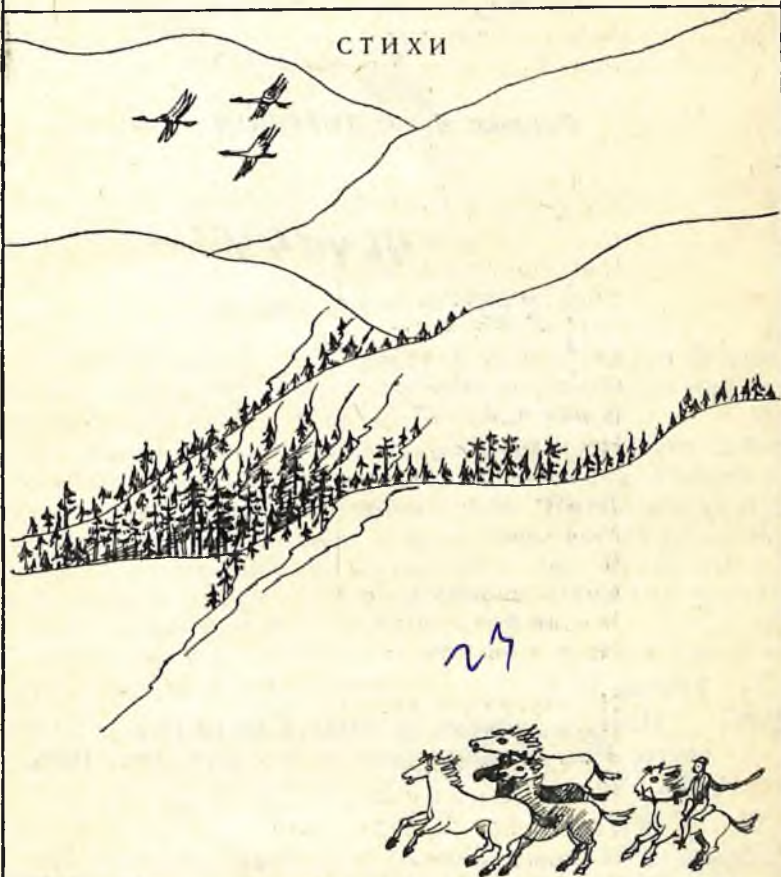
3 ГМО Т. I млн. 3. 2146—с

Борис Укачин

ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ ПО ЗЕМЛЕ

СТИХИ

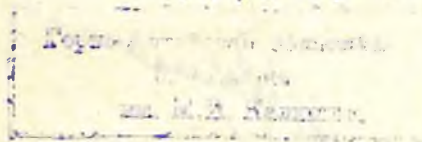
Перевод с алтайского

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1986

САААТ
С (Алт)
У435

Рисунки Н. ФЕДОРОВОЙ

0 464144 ✓✓

Укачин Б. У.

У43 Поступь времени по земле: Стихи/ Пер. с алтайского; Рис. Н. Федоровой.— М.: Дет. лит., 1986.— 96 с., ил.

45 к.

Книга стихов известного алтайского поэта о таких святынях для каждого советского человека понятиях, как Родина, интернациональная дружба, стихи, посвященные матери, близким людям, природе родного края.

У 4803010200—391 471—86
М101(03)86

С (Алт)

© Состав. Предисловие. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

«ВСЕМ РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК...»

Один из героев книг Бориса Укачина, старик Диман Эзенов, ветеран Отечественной войны, колхозный чабан, размышляя о жизни, произносит такие слова:

— Какой только национальности нет среди моих снох: и алтайки, и русские, и казашка, и украинка. Родством связаны с моим очагом, с моим домом. Интересно, какой национальности, например, Сашка, сын Азулая? Дед по матери — казах, бабушка по матери — русская, по отцовской линии — алтайцы... А я так отвечу, так скажу: растет человек, и все тут! Всем родной человек...

Стихи Бориса Укачина — известного поэта с Горного Алтая, прежде всего о человеке.

Пусть притихнут бурные реки у ног,
Пусть вершины будут тебе по грудь —
О, да будет так, вырастай, сынок!
О, да будет так, Человеком будь!

Но человек живет не в безвоздушном пространстве, а на земле, он — дитя земной стихии, и потому в стихах Бориса Укачина сверкают белки алтайских гор, светится ночной огонек чабана, бродят отары овец и шумят кедровые рощи. Поэт не просто Человек, но и сын своего народа, родившийся пятьдесят лет назад в горной стране, где светится его родное селение Каярлык...

Вот марал протрубил на склоне,
Кедр под ветром запел струной.
Вот на пастбище где-то кони
Бьют копытами в шар земной...

Легенды, песни, звонкая речь земляков, картины родной природы, ощущение родства со своим народом делают Бориса Укачина глубоко национальным поэтом. В его стихах есть и столь необходимые всякому художнику детское восприятие мира, и мудрость древних предков, и целое море звуков, запахов, красок, выхваченных из жизни острым глазом и чутким слухом:

Как хорошо мне! Господствуют в мире зеленом
чувство простора и светлое чувство покоя.
Слышу: кукует кукушка в лесу отдаленном.
Чутко ступая, косуля идет к водопою.

...Есть два понимания гуманизма. Один из них ставит человека в центр бытия, делает его венцом природы, основным узлом всего сущего в мире. Во имя этого гуманизма люди тысячелетиями боролись с природой, сводили леса, зверей, меняли русла рек, создавали искусственные моря. Но постепенно выясняется, что создать море не так-то просто — это не только громадное водное пространство, но целый биологический организм, живущий по своим законам, не всегда совпадающим с человеческими целями и устремлениями. Постепенно выясняется, что человек сам-то теряет в своей сущности, когда уничтожает последнего тура или ламантина. Но есть в мире другое понятие гуманизма — меньше восторгов по отношению к человеку, но больше уважения к самой жизни. Этот гуманизм как бы утверждает, что коли природа создала человека, то он не царь и не раб ее, а просто ее дитя, несовершенно, как все на земле, но живое и развивающееся. Эту истину знали наши предки, назвавшие землю «мать-сыра земля». Эту истину знает Борис Укачин, который по-есенински «как братьев наших меньших» любит на земле не только человека, но всех ее живых и прекрасных детей — оленя, кедр, птицу, теленка...

Белый телок на зеленом лугу
прыгает, крутит хвостом, веселится,
задом взбрыкнет, словно конь на скаку,
встанет как вкопанный, снова помчится...

Но большой поэт всегда не просто сын своей природы и своей земли, но и сын своего времени. А время наше движется к единству народов и культур, к их взаимному дружелюбию, к обмену духовными богатствами. Не потому ли так естественно в поэзию Бориса Укачина вплетаются имена Михаила Лермонтова и Николая Рериха, не потому ли у Бориса Укачина есть стихотворение о замечательном русском поэте Николае Рубцове, а у Николая Рубцова целый цикл стихов, посвященных родине Укачина, где русский поэт побывал в 60-е годы, приглашенный туда своим алтайским другом, и где написал строки, рожденные столь пронзительным рубцовским лиризмом о том,

Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной
И кто-то древний клинописью птиц
Записывал напев ее былинный...

В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные айлы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...

В наше время путь национального поэта к широкому интернациональному всесоюзному читателю лежит через признание на родине, через его личный вклад в родную культуру.

И потому мальчик из крестьянской семьи, родившийся в маленьком аиле Каярлык, объезжавший неседланных коней, работавший с 11 лет табунщиком в колхозе, начавший писать стихи в седьмом классе школы-интерната, не торопился издавать свои книги на русском языке, понимая, что быть переведенным на язык Ленина и Пушкина — большая честь и ответственность.

Он знал — в первую очередь его должны понять и оценить земляки. До того времени, когда он, уже известный поэт, переведет на родной язык стихи Лермонтова и Есенина, Чуковского и Михалкова, утечет много воды. И может быть, потому самая дорогая для него первая литературная премия (потом были и другие), присужденная ему земляками-колхозниками Усть-Канского аймака, заслуженная им еще в 60-е годы. После этого он по-настоящему поверил в свое предназначение...

Численно алтайский народ невелик — на сегодня всего
семьдесят тысяч. Но как пишет Борис Укачин:

Есть в каждом народе волшебная жилка:
родился ж когда-то в метельной пыли
по имени Тыко, по прозвищу Вылка
художник у ненцев, у края земли!..

Народ рождает поэта. Поэт выражает душу и земную
суть народа. Стихи Бориса Укачина переводились на
многие языки народов нашей страны и мира.

Мама! Не думай, что я хвалюсь,—
я говорю, как сын,
Вам открывая душу, и пусть
слышат с горных вершин
голос алтайского пастуха
Лондон, Париж, Берлин,
звуки нашего языка,
шорох наших равнин.
Вы мне дали язык и слух,
красок и чувств запас...
Что такое алтайский пастух —
мир узнал через Вас...

Это сказано не только о матери, но еще и о Родине, и
о своем талантливом народе. Сказано по-сыновьи, с лю-
бовью...

Станислав Куняев

ПРИБЛИЖЕНИЕ СТИХА

Ночь. Лежу и не могу уснуть
На горячей, смятой простыне.
Что-то мне теснит и давит грудь.
Что-то совершается во мне.

И в ушах — какой-то шум и звон.
Я зову: услышь меня, приходи,
Добрый сон! Ты слышишь, добрый сон,
Я сдаюсь: не мучай, победи!

Но шумит в мозгу моем тайга,
И безумством сильных обуян,
Плещет, разрушая берега,
Возмущенный ветром океан.

Я устал. Измучен я. И вдруг
Отпустило. Ясность. Тишина.
Вижу я: цветет широкий луг.
Слышу я: поет кругом весна.

Это ты, родимый Каярлык?
Каракол? А может, Кулада?
Слышу звонкий птичий переклик,
Вижу — бродят мирные стада.

О, куда бредете вы, стада?
Кони, кони, мчитесь вы куда?
И куда, бессмертно молода,
В ручейках торопится вода?

Чувствую, как, музыкой звуча,
Холодя, и грея, и звеня,
Жарко обжигая, щекоча,
Время протекает сквозь меня.

Протекает Время — и во мне
Умирает прежний человек,
И, как будто возродясь в огне,
Возникает новый человек.

То, чего не знал я,— знает он,
То, чего не видел,— видит он,
То, чего не слышал,— слышит он,
Чуткостью особой наделен.
О, как чутко ухо у него,
А душа — подавно не глуха!

Вот, примерно, люди, каково
Чувство приближения стиха.

домой хочу

Домой хочу, домой!
И сердцу нет покоя!
Домой хочу — не в комнатную тишь,
А в тишину долин,
где небо голубое
Сияет надо мной
надежней всяких крыш!
Домой хочу!
Там облачко любое
И каждый кустик
тень подарят мне,
И маленький цветок у водопоя
Мне улыбнется, как родне!
Домой, домой!
В мои родные чащи,
Где камни,
дерева
и кони ждут меня!
Мне сладок жар живой,
от крупов исходящий,
И самый дух коня...
Домой, домой!
Сегодня же, скорее!
Я слышал, что, грустя
по отчей стороне,
Вдвойне быстрее
человек стареет,
А для чего
стареть быстрее
мне?

Домой!

Там,

перед кедром преклонив колени,
Воспряну духом я и сердцем оживу
Подобно горному оленю,
Который отыскал

огонь-траву.

Я возгорюсь,

как тот пастуший,

Во мраке ночи видимый

костер,

И прилетят ко мне,

как родственные души,

Все птицы наших гор,

все песни наших гор.

К моим истокам припаду я снова,

И мне они

в счастливый час

Необходимое подарят Слово,

Как было много раз.

Домой хочу, домой!

Сегодня же, скорее!

Я слышал,

что,

грустя по отчей стороне,

Вдвойне быстрее

человек стареет,

А для чего

стареть быстрее

мне?

Нет, не хочу, друзья,

угрюмо, хмуро

Свыкаться

с преждевременной зимой,

Усталость на себе таскать,

как ссохшуюся шкуру...

Домой хочу,

домой,

сегодня же —

домой!

КЮС-КЮС

Локти в ссадинах, сохнет рот —
Я на склон крутой поднимаюсь.
На каменья, лицом вперед,
Упаду — и вновь поднимаюсь.

Тяжелеет заплечный груз,
И спина моя намокает,
Но шепчу я себе:

«Кюс-кюс...» —

И мне кажется: помогает.

Есть такое слово у нас,
Не подвластное переводу.
Я задумывался не раз:
Кто его подарил народу?

Вспоминаю, как не могла
Растелиться наша корова —
Мама рядом всю ночь была,
Повторяя снова и снова:

«Кюс-кюс...»

Вот купили ботинки мне —
Хороша, но тесна обнова.
Их натягивая, в тишине
Повторяю все то же слово:

«Кюс-кюс...»

Где не можешь ни от кого
Ждать ни помощи, ни совета,
Оставалось шептать его —
Заклинанье древнее это,

Невзначай произнесено,
Вполухе, на полувздохе —
Может быть, поможет оно
И в заботах нашей эпохи?

Я взбираюсь на склон крутой,
Взгляд вперед кидаю порою:
Может быть, вот за той грядой
Обрету дыханье второе?

А во рту — кисловатый вкус,
А спина моя — намокает,
Но твержу я себе:

«Кюс-кюс...» —

И мне кажется: помогает!

Аджимушкой, аджимушкой...

Теснины катакомб,

Земля Аджимушкая...

Отец мой, ты не здесь

пал, кровью истекая,

Но гибли здесь в те дни

сорок второго года

Бесстрашные сыны

и дочери народа.

И я бы тоже мог,

родись в иное время,

Здесь биться, как они,

в одном ряду со всеми.

Но вышло, что они

меня опередили.

Погибли, победив.

Погибнув, победили.

Неслыханной войны

отгрохотали годы.

Я тридцать лет спустя

пришел под эти своды.

Куда ни сделай шаг —

здесь камень, камень, камень...

И с трепетом его

я трогаю руками.

Мне кажется, что те,

кто в эту глубь спустились,

Не просто умерли,

но в камень превратились.

Я под землей стою

и времена смещаю —

И в камне их тепло

живое

ощущаю.

Да, в камне, в камне вы,
а не в сыпучем прахе.
Полковник Ягунов,
и комиссар Парахин,
И все бойцы —
постов
подземных
часовые,
И сандружинницы —
подруги боевые.
Лишь двадцать пять минут
здесь, под землей, стою я...
Шесть месяцев почти
вы жили здесь, воюя.
В крошечной темноте
стою, как в преисподней,
И ваши гнев и боль
во мне кипят сегодня.
И мнится: я стою,
суровый, напряженный,
На вражеской тропе
стрелой настороженной
(Среди Алтайских гор,
в тайге, где люди редки,
На зверя самострел
так наостряли предки!).

Нет, сердце у меня
с рождения не злое,
Но здесь я над врагом
нависнул бы скалою —
На голову его
обрушиться готовый
Тяжелой, как гранит,
махиной известковой!..

А солнце где-то там
по-прежнему сверкает,
Но свет его живой
сюда не проникает,
И не пробьется дождь
сквозь каменную крышу...

«Воды! Воды! Воды!» —
со всех сторон я слышу.

Вода... вода... вода...
Желанная, простая...

Я столько пил ее
из родников Алтая!

И губы отирал.
И говорил: «Довольно!»

Об этом вспоминать здесь —
мучительно и больно.

«Воды! Воды!.. Воды...—
слабее с каждым разом.—

Нас голодом томят,
выкуривают газом...

Воды... Воды... Воды...
Но мы собой гордимся.
Воды... Воды... Воды...
Умрем, но не сдадимся!..»

Прощай, Аджимушкой,
безмолвные отсеки!

Все, кто погибли здесь,—
в сердцах у нас навеки.

И я в свой горный край
уюду, вспоминая,

Тебя, Аджимушкой,—
под Керчью щель земная!

Куда бы я ни шел
родимой стороною,

Сто семьдесят ночей
и дней твоих — со мною,

Я вспомню их не раз,
под солнцем душу грея:

На них я старше стал,
а может быть,— старее...

СЛОВО О ЛЮДЯХ РАБСКОЙ КРОВИ

Не горят и не светят. Не вспыхнут, как порох!
Не погаснут и не возгораются вновь...

Есть такие еще среди нас, у которых
В жилах — старая, мертвая, рабская кровь.

Как им страшно живое в себе обнаружить!
Как бесцветны их взоры, опаслива речь!
Не помогут они в том, что надо разрушить,
Не помогут сберечь то, что надо сберечь.

Ко всему равнодушны их сонные лица,
И когда наступают тревожные дни,
Как летучие мыши — не звери, не птицы, —
В полумраке, в тени хоронятся они.

А когда отпадает нужда в камуфляже
И покой воцаряется долгий вокруг,
Выползают на свет потихоньку — и даже
Властолюбие в них пробуждается вдруг.

Но по-прежнему пусты их скользкие взгляды,
Ни восторгом, ни гневом глаза не блещут,
И весне приходящей как будто не рады,
И под осень с природой родной не грустят.

Как же так? Ведь над нами, друзья, надо всеми
То же самое солнце горит в синеве,
И одно, как-никак, породило нас Время —
Неужели в каком-то мы все же родстве?

Нет! — с проклятием я эту мысль прогоняю,
Никогда я такой не признаю родни!
Мы — другие, и кровь наша — тоже иная.
Их на свете — все меньше. Да сгинут они!

* * *

Как пес охотничий, по следу
За быстрым временем бегу.
Бегу на собственных — не еду.
Читаю строчки на снегу.

Мой интерес — не вид, не внешность,
А суть, что прячется за ней.
Почую Доброту и Нежность —
Держусь поближе. Так верней!

А тех, кто хитры да лукавы,
Душ с лисьим духом — не люблю:
С такими сам не знаешь, право,
Где шеей угодишь в петлю.

Я верю верным, честным, смелым,
Таких узнать мне повезло,
И мир я вижу черно-белым —
Деленным на Добро и Зло.

Одолеваю кручи, броды,
Сажусь к пастушьему огню,
И мудрость горного народа
Повсюду в памяти храню:

«Кто по-пустому много брешет,
А с правдой толком не знаком,
Себе же голову и срежет
Безмерно длинным языком!»

«Распознавай гнилые души,
На лоск наружный не смотри:
Навоз хотя подсох снаружи,
Но запах свой хранит внутри!»

Живу — не просто существую!
То радуюсь, а то грущу,
И в мире Истину живую,
Как пес хозяина, ищу.

Тянусь за Истиной упорно,
Стараюсь ей служить во всем,
И вовсе быть мне не зазорно
Ее ищейкой, верным псом!

СЫН ЛЕЖИТ В КОЛЫБЕЛИ

Лежит он в колыбели —
Мой сынок,
Мой нежный,
Как ягненок-сосунок,
Моя забота,
Плоть и кровь моя,
Мой древний долг,
Мой завтрашний судья.

Он очень мал,
И у него пока
Нет на земле
Ни друга, ни врага.
Еще не знает он,
Что значит честь.
Еще не знает он,
Что значит месть,
Еще он не знаком
С добром и злом,
В нем зависть
Не завязана узлом.

Лежит он в колыбели,
Мой сынок,
Я сам
Ему завидовать бы мог:
Жизнь без врагов —
Не это ли мечта?

Но говорится, видно,
Неспроста:
Когда мужчиной
В мире ты живешь,
Ты должен Правду знать
И видеть Ложь!
Расти, мой мальчик,
Стать борцом сумей,
Имей друзей,
Но и врагов имей!

Лежит он в колыбели,
Мой сынок,

От колыбели тысячи дорог
Бегут, пыля,
В далекие края...
Мой сын, мой долг,
Мой завтрашний судья!

ПИСЬМО ПОЭТУ КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ,
ОТПРАВЛЕННОЕ С ДОРОГИ

464/448
Тот берег мы покинули вчера.
Без нас теперь пойдут на Рижском взморье
В извечном ритме дни и вечера,
Светиться будут зори и предзори.

Мне кажется, и в нашей жизни есть
Свой скрытый ритм, закон чередованья:
Вослед печальной — радостная весть,
Сегодня встреча, завтра — расставанье.

Бывает, заночуешь в шалаше,
Наутро снова дальняя дорога,
Оглянешься — и защемит в душе:
Тот малый кров — уже родной немного.

И в каждой из гостиниц, где ты жил,
Где чемодан ты свой дорожный ставил,
Где строчку хоть единую сложил,—
Ты что-то невозвратное оставил.

Что ж тут дивиться! Целый мир вокруг
О человеке, о тебе хлопочет,
Тебя хватает тысячами рук,
Тобой живет и отпустить не хочет.

Мы жили здесь, на рижском берегу,
Бок о бок жили, целый месяц ровно,
И за двоих я говорить могу,
Что здешний кров родной теперь нам кровно.

Пройдут года, иные уголки
Своей земли узнаем и полюбим,

Но будем помнить рижских дюн пески,
Возникшей дружбы узел не разрубим.

Журчит вода, кусты шумят во мгле,
Сверкают звезды в темно-синей тверди,
Но только человеку на земле
Доступна мысль о жизни и о смерти.

И потому, должно быть, потому
Он никогда покоя не находит,
Все, что проходит, дорого ему,
Проходит все — и все же не проходит.

Мир — в нас, мы — в нем, и нет прочней родства,
Ему принадлежим душой и телом.
Уйдем — какой-то частью существа
Останемся и мы на свете белом!

ОТРАЖЕНИЯ

I.

Вновь она, красавица весна!..
Краски пробужденного простора.
Возвратились гуси на озера.
Хорошо! Душа, как даль, ясна.

Хорошо! Душа, как даль, ясна.
Возвратились гуси на озера.
Краски пробужденного простора —
Вот она, красавица весна!

II.

Лето. На траве блестит роса.
Года миновала половина.
Ярко зеленеет луговина.
Выхожу. В руках моих — коса.

Время! Выхожу, в руках — коса.
Ярко зеленеет луговина.
Года миновала половина.
Лето. На траве блестит роса.

III.

Бабье лето. Грустная пора.
Крики журавлей над степью праздной.
Возле юрты конусообразной
Тихо коротаем вечера.

Тихо коротаем вечера
Возле юрты конусообразной.
Крики журавлей над степью праздной.
Бабье лето — грустная пора!

IV.

Караван серебряной зимы
У дверей — с богатыми дарами.
Над селом, над низкими домами
Снова встали синие дымы.

Встали снова синие дымы
Над селом, над низкими домами,
Вновь пришел с богатыми дарами
Караван серебряной зимы...

НА ОТДЫХЕ

Я на отдыхе, брожу
По родимому Алтаю,
Сладким воздухом дышу,
Тихо песню напеваю:

«Что красивее цветка?
Лишь другой цветок, я знаю.
Что красивей чем река?
Может быть, река другая».

Не о чем тебе тужить,
Если день без горя прожит.
Счастье прошлое затмить
Счастье завтрашнее может.

Может, солнце вдруг зайдет,
Но на утро выйдет снова,

А нежданно друг уйдет,
Друга где найдешь другого?

Мучит нас лишь до поры
Боль какая-никакая,
Быть красивее горы
Может лишь гора другая!

Кроме матери родной,
Нету матери на свете.
Кроме родины — иной
Нет родной земли на свете.

* * *

Грустным ли, веселым ли бывал —
Эту песню мой отец певал:
«Как бы ни был конь горяч и скор,
Для него отыщется узда.
Люди — не вершины дальних гор:
Живы будем — встретимся всегда».

Много ярких весен, бледных зим
Встретил я в моем родном краю.
Нет отца, но я сынам своим
Песню ту же самую пою.

День придет — и этот белый свет
Я оставляю тоже в свой черед,
Но конца отцовской песне нет,
Вечно песня эта не умрет.

Пусть, как песня эта, без конца
Процветает родина моя!
«Эта песня нашего отца!»
И мои пусть скажут сыновья:
«Как бы ни был конь горяч и скор,
Для него отыщется узда.
Люди — не вершины дальних гор,
Живы будем — встретимся всегда».

Каярлык...
 По всем долинам
 Журавлиный клик,
 И за клином журавлиным
 Синие пласты,
 Молодой, широкий ветер
 Журавлиных крыл —
 Вешний ветер пробужденья,
 Ветер высоты!

Журавли мои родные,
 Братья-журавли,
 Мы одной любви и песни,
 Мы одной земли,
 И до боли мне понятен
 Ваш высокий крик,
 Потому — не пролетайте,
 Тут гнездитесь, не бросайте
 Отчий Каярлык!

В свой покой
 Вас мирно примут
 Добрые края,
 Здесь на брата не подымут
 Черного ружья.

ДОЖДЬ ИДЕТ

Дождь при солнце
 Моросит,
 В небе радуга
 Висит.

Многоцветны
 Краски дня.
 Что же в сердце
 У меня?

В сердце — песня,
Друг родной,
Если хочешь —
Пой со мной.

Посмотри:
Весна вокруг,
Счастлив, молод я,
Мой друг!

Дождь при солнце
Моросит.
В небе радуга
Висит.

* * *

Год Змеи —
Начало войны:
Запылали наши края.
Сорок первый,
К сердцу страны
Подбиралась, ползла
Змея.
Люди мира!
На всех языках
Прокляните змею в веках!

Год Курицы —
Сорок пятый,
Да будет он вечно свят!
У ног вернувшегося солдата
Курица собирает цыплят...
Со всем народом
Тебя пою,
Птица,
Прикончившая
Змею!

БЕГ

Рано утром,
Встав с рассветом,
Я бегу,
Бегу,
Бегу!..

Тишиной,
Свободой,
Летом
Надышаться
Не могу!

Я бегу и представляю:
Ты проснулась, над тобой
Свод небесный голубой
Широко цветет, сияя.

На листе роса блестит,
И, как ласковый лазутчик,
Любопытный солнца лучик
На лице твоём гостит.

И — похвастаться не стыдно! —
В этот миг я все могу:
Дотянусь,
Добьюсь,
Достигну,
Догадаюсь,
Добегу!

По зеленому простору,
На стремительном ветру:
Выше — в горы,
Выше — в гору!..

Остановят — я умру.

ЗАНОВО ОТКРЫТЫЙ МИР

Я стою у моря на песке.
Что-то птицы говорят друг дружке.
Над волнами солнце вдалеке
Показало розовые ушки.

Я стою у моря на краю.
Слышу, как ликует птичье племя,
Радуюсь, на цыпочки встаю —
Тороплю медлительное время.

Я стою у моря — человек!
Вижу: горизонт разулыбался.
Пена волн бела, что горный снег.
Сами волны — скачут, словно барсы.

Вот притихли. Стало голубей
Море, нежным светом залитое.
Словно золотая колыбель,
Солнце выплывает золотое.

Пастушонок, сын алтайских гор,
Где взметнулась к небу твердь земная,
Как я жил на свете до сих пор,
Этой, здешней, красоты не зная?

Э, да что об этом говорить!
Дух мой молодеет и гордится:
Облик новый красоты открыть
Всякий раз — как заново родиться!

ЗЕЛЕНАЯ ЛЯГУШКА

Шуршит в траве зеленая лягушка,
Появится — и снова пропадет...
Ах, сердце у меня — как ты, лягушка,
Никак сегодня места не найдет!

Свой край припоминая поминутно,
Где все иное: небо и трава,—
Оно, как ты, лягушка, бесприютно...
Я не стесняюсь этого родства!

В природе нет стыда, зазнайства — тоже.
Не ускользай же в тень и темноту,
Ведь я — не враг, несхожи мы — и схожи,
Ну хочешь, я стихи тебе прочту?

**ОБОЖЖЕННЫЕ,
НО НЕ ПАВШИЕ ДЕРЕВЬЯ**

Трещали и гудели кедры мощные,
Пожар метнулся к небу от земли —
И звезды в нем оплавилась полночные,
Горячими ручьями потекли!

Раскалывая скалы раскаленные,
Пожар не стих, губительный, и днем.
Спасая дом свой и леса зеленые,
Боролись люди с бешеным огнем.

И гибли там сородичи, товарищи...
Их пламя жгло, душил их черный чад.
С тех пор осталось черное пожарище,
На нем деревья черные торчат.

И мертвые, и все-таки не мертвые,
Стоят стволы обугленные те:
Обрубки-сучья, в сторону простертые,
Как будто ищут что-то в пустоте.

И мнится мне—то люди, пеплом ставшие,
Здесь поднялись из безмогильной тьмы:
«Погибшие, но все-таки не павшие,
Мы любим жизнь! Среди вас навеки мы!»

ЧУДО-ПТИЦА ЛЮБВИ

(Цикл)

* * *

Чудо-птица любви
Обитает в груди у меня.
Вскинет крылья свои —
И опять я во власти огня!

Ей и голод не страшен,
И сытость ее не смирят:
Выше каменных башен
И круч высочайших парит.

Нетерпеньем своим
Как меня утомляет она!
Нежным пеньем своим
Как мне боль утоляет она!

Встрепенется едва —
Распадаются звенья оков.
Шевельнется едва —
И бессильна вся мудрость веков!

И, случалось, клевали
Враждебные птицы ее,
И мещане плевали
На белые перья ее.

Но презреньем к ханжам
Столь открыто горит ее взор,
Что едва ль ей не в радость
От них клевета и позор!

Крылья цвета мечты,
Крылья цвета чистой весны,
Крылья цвета добра
Ей, упрямой и дерзкой, даны.

Мне в плену у нее
Состоять до последнего дня.
Ни усталость, ни старость —
Не освобождайте меня!

Пусть проносятся годы —
Всегда в моем сердце живи,
О подруга свободы —
Моя чудо-птица любви!

ПЛАЧ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Далеко от нас, под Берлином,
Смолкли выстрелы, отзвучали.
Был я мальчиком, был я сыном
Той Победы и той печали.

Было мало в те годы соли.
Было много в те годы боли.
Богатырская, золотая
Стыла в небе луна — подкова,
Но казалось, что на Алтае
Не осталось и духа мужского.
Все ушли на запад кровавый
И в последней, смертельной схватке
Полегли, как один, со славой,
И остались в селах — солдатики,
Молодые, в красе и в силе,
О любви, о ласке мечтали,
Но безмужними села были...
Вот тогда и мы подрастали.

Ты прости меня, дорогая,
Что была до тебя — другая.

Ты прости мне, добрая, верная:
Никого не могу винить я
В том, что нежность робкую, первую
Для тебя не смог сохранить я.

Я разбил бы — не разбивается
Эта чаша горькая, злая.
Я забыл бы — не забывается
И любовь, и нежность былая.

Я забыл бы — не забываются
Косы черные, косы вдовьи,
Вокруг шеи вновь обвиваются,
Оплетают горькой любовью.

Но не стану ее чернить я:
Невиновна, чиста вдова та,

И себя не могу казнить я:
Моя юность — не виновата.

Есть одна во всем виноватая:
Мировая война проклятая —
В том, что в сером сукне суровом
Шли дорогами битв мужчины,
В том, что вдоволь досталось вдовам
Одиночества и кручины,
В том, что первой любви не знал я —
Полудетской, как в книгах пишется...

Где же ты, кого милой звал я?
Голос твой и сейчас мне слышится.
О родные горы зеленые,
Небеса над нами бескрайние,
Юность, пламенем опаленная,
Поцелуи горькие, тайные...

* * *

Это ты, подруга бывая?
Вот и встретились, видишь, снова.
Как живешь? Ах, вижу и знаю.
У какого костра ночного
Эти косы пепел осыпал?
Или снег то неожиданный выпал?

Обескрылев, поникли плечи
От какой беды неминучей?
Я припомнил давние встречи,
Я печалью пронизан жгучей:
Потускнели глаза подруги,
Потемнели нежные руки.

А была рука твоя белой —
Молока парного белее,
А была ты ягодкой спелой,
Чистым пламенем пламенея
В горной роще, на ветке росной,
Ранней осенью плодоносной!

Да! Всех сверстниц своих чудесней,
Ты была звездой над горами,
Ты была не отзвук, а песня,
Ты была не отблеск, а пламя,
И горел я в пламени этом
Ранней осенью — поздним летом.

Кем я был тогда? Кедром юным
С неокрепнувшими корнями,
Серебрился при свете лунном,
Зеленел погожими днями,
На лихом ветру не ломался,
К солнцу светлому поднимался.

Сорок лет мне сегодня с гаком —
Вдвое с лишним был я моложе.
С необъезженным аргамаком
Было юное сердце схоже,
Кровь по жилам, гудя, летела,
Освежала сильное тело.

Вспыхнул сразу я — только-только
К твоему огню потянулся,
Вспыхнул сразу я — только-только
К твоему огню прикоснулся,
Сам живой, в огонь превратился...
Много лет спустя — возродился,

Но уже другим, а не прежним —
И задумчивей, и взрослее,
По-другому сильным и нежным,
О свершившемся не жалея.
Что жалеть! К несчастью иль к счастью
То, что б ы л о — не в нашей власти.

То, что было — навеки б ы л о!
Ничего душа не забыла.
Жадно, горестно ты любила.
Как давно уже это было!
Как мне дороги встречи эти!
Как давно я живу на свете!

* * *

На вершине Западной горы
Чистый снег целуется с закатом.
Ледяные ветры злы, остры,
Грусть и нежность в сердце, болью сжатом.

Снова наплывают с трех сторон
Сумерки над мирными долинами.
Снова слышу смех сквозь даль времен
Женщины с бровями соболиными.

Словно гуси дикие кричат
Грустно и протяжно в бесконечности,
Вновь слова былой любви звучат,
Полные печали и сердечности.

Там, вдали, на снежной белизне
Алый свет заката догорает.
Первая любовь моя во мне
Сколько лет бессмертно умирает...

* * *

Любовь приходит бурей, пыль клубя,
А иногда — и ласковым рассветом,
Косулей убегает от тебя
И рысью за тобой крадется следом.

Коль в юности не встретишься ты с ней —
Она, глядишь, и в старости нагрянет,
Тебя, смешного, сделает смешней
И над тобой сама смеяться станет.

Но благо, если в зрелые года
Судьба твоя любовью озарится:
Тебе земная девушка тогда
Покажется богиней и царицей,

И музыкой покажется гроза,
Волшебной сказкой — тихий шелест леса,

Вода — вином, и жемчугом — роса,
И золотом — кузнечное железо.

О дорогая спутница моя,
Подруга, вереск мой вечнозеленый!
Когда ты рядом — расцветаю я,
Вновь становлюсь, как юноша влюбленный.

Теперь тобой душа моя жива,
Тобой живу — и нет прекрасней дара:
Так расцветает юная трава
В лесу, на месте буйного пожара!

* * *

Смолкла сутолока дневная,
Перешел на шепоты мир,
И гостит тишина лесная
В глубине городских квартир.

Ты уснула. Как птицу сеткой,
Сон накрыл тебя. А луна
Любопытствующей соседкой
Знай торчит себе у окна.

Шум последний вдали стихает,
Полночь дивная настает.
Чудо-птица любви порхает
В тишине. И поет, поет.

Слышу голос ее все ближе,
Мне знакомый уже давно,
И от взора луны бесстыжей
Задвигаю шторой окно...

ФАРФОРОВАЯ ПИАЛА

Два раза в сутки в белой пиале
Передо мной ты ставишь чай душистый,

И пиала дымится на столе,
И радости я полон самой чистой.

Смотрю я на тебя, на двух сынов,
Крепчайшим чаем тело согревая.
Ты смотришь на меня, на двух сынов,
Из пиалы такой же отпивая.

И вечером, и утром пиала
Горячая стоит передо мною,
Как передатчик твоего тепла,
Как солнышко домашнее, ручное.

Все это так — благодаря тебе,
Хранительница счастья и уюта.
Да будут радостны в твоей судьбе
И каждый час, и каждая минута!

* * *

Милая, любимая моя!

Поклоняюсь я глазам твоим —
Звездочкам, чей свет — моя отрада,
Вспоминаю песню водопада,
Прикасаясь к волосам твоим.

Милая, желанная моя!

Эти зубы нежные твои,
Словно первый снег, молочно-белы.
Белое твое волшебное тело —
Так белеют при луне ручьи.

Милая, прекрасная моя!

Есть в любви мгновенья чистоты
Самой высшей, правды — самой высшей,
И не хитрость, а судьбу я слышу
В тех словах, что говоришь мне ты.

Милая моя, судьба моя...

ЖЕНЩИНА ЧИТАЕТ КНИГУ

Море. Парус вдалеке
Возникает, пропадает.
Возле моря на песке,
На пологом берегу
Книгу женщина читает.

Сосен шум и колдовство.
В синем небе тучка тает.
Но, не слыша ничего
И не видя ничего,
Книгу женщина читает.

Стихнет море — и опять
Свежий ветер налетает.
Не спеша со лба убрать
Золотящуюся прядь,
Книгу женщина читает.

Даль подобна миражу:
В тучах город вырастает.
Я тихонько подхожу:
А какую — я гляжу —
Книгу женщина читает?

Но в ответ на мой вопрос —
Только взгляд, грозы сердитей.
Повторил я свой вопрос —
Тихий голос произнес:
«Не мешайте, отойдите!»

Я пристыженный стою,
И душа моя страдает —
И внезапно узнаю:
Это ж, господи, мою
Книгу женщина читает!

Да, она — знакомый вид:
И обложка, и тиснение...
«Не мешай!» — мне говорит,
«Отойди!» — мне говорит
Собственное сочиненье.

Подросло мое дитя,
И уже бесплодны споры.
Я иду один, грустя,
Тонким прутиком чертя
На сыром песке узоры.

Что ж, не каждый ли поэт
О таком в душе мечтает?
Берег моря. Солнца свет.
Даже не взглянув мне вслед,
Книгу женщина читает!

КАК МЫ ЕЗДИЛИ НА ОДНОМ КОНЕ

Я назад листаю календарь,
Возвращаюсь в памятное лето.
Вот опять я молодой косарь,
На работу выхожу с рассвета.

Длинен, душен, зноен летний день,
Капля пота по лицу сбегает.
Ты — учетчица, твоя сажень
Вдоль прокоса вечером шагает.

С каждым разом радостней вдвойне
Видеть мне тебя, мою отраду.
Не забыть, как на одном коне
Мы с покоса ехали в бригаду.

Как джигит, в седле держалась ты,
Статная и смуглая от зноя.
И смущен до полной немоты,
У тебя сидел я за спиною.

Робость неизменную храня,
Я дышал в затылок загорелый.
Вдруг, смутясь, хлестнула ты коня —
И тотчас вперед рванулся Белый!

Так рванулся, будто бы в бою!
Я, должно быть, наземь бы скатился,

Если бы за талию твою —
Сам не помню, как — не ухватился.

Не забыть до нынешнего дня,
Вся ты вострепелась, точно птица.
Но... забыла пристыдить меня
И от рук моих освободиться.

Вдоль дороги пестрые цветы
Венчиками яркими качали.
Юность, юность, время чистоты,
Все — любовь и жизнь — еще вначале!

Ты строга, учетчица, ко мне,
Если нормы вдруг не накошу я.
...Вновь мы едем на одном коне,
Вновь тебя за талию держу я.

Словно пояс — две мои руки.
Ты молчишь: задумалась, мечтаешь?
Смотришь вдаль, на снежные белки,
Будто ничего не замечаешь...

ПЕСНИ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ О МАТЕРИНСКОМ СЕРДЦЕ

1.

Месяц Кукушки вновь на дворе,
вновь трава зелена,
снова земля отошла в тепле
из-под зимнего сна.
Женщины вытащили на свет
праздничные платки.

В школе,
куда я ходил столько лет,
бодро звенят звонки.
Но почему в этот светлый день
на сердце смертная тень?
Черный ком земли, как огонь,
мне обжигает ладонь...

2.

Я приехал ночью к родным,
а над юртой струится дым,
ворох искр через дымоход
поднимается в небосвод...
И родной очаг не погас,
и сестренка, и зять при мне...
Тот же чайник шумит на огне,
только свет материнских глаз
и тепло их — исчезли во тьме.

3.

Год завершил свой круг,
и дикий гусь
из теплых стран
к нам снова воротился...
Растаял снег,
но не исчезла грусть,
хоть Каярлык
в зеленый дым укрылся.
Близ стойбища тоскующий журавль
 всю ночь кричал...
Зачем грустить весною?
Быть может, он подругу потерял,
а, может быть, делил печаль со мною?
Я снова воротился в Каярлык,
где мать уснула в земляной постели.
Весенним днем под журавлиный крик
мои виски до срока поседели.

4.

В нежных сумерках перед рассветом
поглядите на Каярлык —
иссечен морщинистый лик,
мягко высвечен тайным светом...
Облик матери,
облик матери...

Ранним утром снова взгляните
на морщинистый Каярлык —
серебрятся ручьи, как нити,

снежной влагой сверкает лик...
Слезы матери,
слезы матери...

В снежных сумерках перед рассветом
поглядите в последний раз:
горы залиты мягким светом —
это свет материнских глаз...
Очи матери,
очи матери...

5.

Цинковыми ведрами гремя,
по утрам нас матери будили,
шли к коровнику.
Коров доили,
запрягали старого быка,
тяжкие бидоны молока
на завод
поспешно увозили.

Холод. Страх. Отчаянье. Война...
Матери детей накормят, косы
на плечи — и со всех ног в луга —
дотемна, пока не лягут росы,
накосить да выметать стога...
А на лицах разом — пот и слезы...

Мать вернется к ночи — и опять
зазвенел в ее руках подойник,
вновь бегом торопится в коровник,
вновь быка ей надо запрягать,
вновь везти бидоны на завод,
а в своем дому полно забот...

А когда она сомкнет глаза —
глядь — уже светлеют небеса.

6.

Рык медвежий раздался ночью,
замычал истошно телок,
и медведь тяжелую ношу
в ночь глубокую поволок.

Ах, пастух, запоздал твой выстрел,
Жги костер, да кричи во тьму...
Утром кровь на траве увидел —
как и чем оправдаться ему?

Зверь унес корову из стада,
но за вред, что приносит зверь,
расплатиться с колхозом надо...
Только нечем... И что теперь?

Ах, пастух, подвела тебя дрема,
коль подкралась беда из тьмы...
Мать в ту ночь оставалась дома,
а не то бы — пропали мы...

7.

Белый телок на зеленом лугу
прыгает, крутит хвостом, веселится,
задом взбрыкнет, словно конь на скаку,
встанет как вкопанный, снова помчится.

Детские годы припомню опять:
белая наша корова рожала
белых телят, и так ласково мать
«Зайчик», «Зайчонок» телят называла.

«Зайчик! Зайчонок!» — услышать хочу
эти слова, этот голос заветный.
— Зайчик! Зайчонок! — теленку кричу,
но тот помчался вдогонку за ветром.

Белый телок на зеленом лугу,
как захмелевший от синего мая,
скачет и взбрыкивает на бегу,
воспоминаньям моим не внимая.

8.

Материнское личико
к старости усыхает.
Мать катится, как яичко,
охаёт и вздыхает!
Вдруг заболеют веки —
станет слепой навеки!

Я завещаю сыну:
мать не обидь упреком!
Нарочно иль ненароком...
Я завещаю сыну.

Если обидишь — будешь
клясть сам себя сурово.
Словом себя осудишь
у материнского гроба.
Я, побродивший по свету,
с жизнью поговоривший,
матушку похоронивший —
знаю: роднее нету!

9.

О брате моем не печалуйся, мать,
он старшего брата привык понимать.
А ежели он не услышит меня —
то словом и делом помогут дядя.
Он водит машины по трассам страны.
Он скромн, какими должны быть сыны.
Привычек плохих он в семью не несет.
Он скоро невестку в твой дом приведет.

10.

Мать!
Я хочу поделиться
радостью в нашей семье:
сын из великой столицы
Вас вспоминает в письме!
Вы никогда не видали
нашей столицы Москвы.
Внук ваш сквозь дальние дали
видит хорошие сны.
Пишет,
что Старая Мама¹
дверь отворила ему,
будто бы Старая Мама
чай заварила ему,
будто бы жизни учила,

¹ Старая Мама — по-алтайски «бабушка».

доброе слово нашла,
будто бы благословила
и потихоньку ушла...

11.

Мама,
Вы что-то спросили о внуке Амыре?
Он любопытным и умным растет мальчуганом,
все, что творится
в громадном сегодняшнем мире,
знает Амыр,
путешествуя в книгах по странам.

Краски изводит,
рисует Алтайские горы,
и в дневнике иногда «подтирает» отметки,
и на хоккей иногда убегает из школы,
словом, живет, как живут все его одноклассники.

Может быть, время придет,
и как вечную память
Вас нарисует в сиянии солнца и снега,
но, коль случится, художником внук Ваш

не станет,

должности выше не знаю,
чем пост Человека!

12.

Я опять поругался с женой —
слов бессмысленных наговорил,
и опять я хожу сам не свой —
душу ревностью разбередил.

Сыновей бы стесняться пора,
но ревную — и мучаюсь вновь...
Мама, ты и мудра и добра:
не вини меня — это любовь!

13.

.
.
.
.

14.

Мама! Не думай, что я хвалюсь,—
я говорю как сын,
Вам открывая душу, и пусть
слышат с горных вершин
голос алтайского пастуха
Лондон, Париж, Берлин,
звуки нашего языка,
шорох наших равнин.
Вы мне дали язык и слух,
красок и чувств запас...
Что такое алтайский пастух —
мир узнал через Вас...

15.

Я рос без отца, и судьба
трепала меня без пощады.
Случались минуты, когда
я плакал от горькой досады.
Но мама, бывало, ко мне
подсядет, ладонью погладит
по бедной моей голове,
и, глядь, все тревоги уладит,
и злобу врага растворит,
и сердца неистовый пламень
отходчивым словом смирит...
Но, матушка, ежели камень
мой друг для меня же припас,
то кто без тебя мне поможет?
В какие ладони сейчас
твой сын свое сердце положит?

16.

Снова на свете скрипят колыбели,
снова на свете пеленки шьются,
снова травы зазеленели,
снова ливни на травы льются.

Мама!

Я помню брата Темира,
помню! — во сне я стремился к брату,

но, просыпаясь, бродил уныло:
где он? — и где мне искать утрату?

Мама!

Сын у меня родился!
Чтобы он жил,
восхищаясь миром,
чтобы жизнью земной наслаждался,
я называю его Темиром!

17.

Я говорю себе: брось горевать —
это судьба матерей —
чтобы одних на земле оставлять
бедных своих сыновей.

В юрте огонь, что так дорог и мил,
ближе, чем отблеск звезды,
ярче сиянья небесных светил,
льющих свой свет с высоты.

Мама, я Вас потерял и теперь
понял горечь потерь,
ту, что поймут мои сыновья,
когда их

покину
я.

18.

Есть земное поверье
о бессмертье души.
Если так — то потери
на земле не страшны.
Если так, то, быть может,
повстречаемся мы...
Только что нас тревожит,
что смущает умы?
Тяжела та дорога,
неохота спешить,
мне еще бы немного
да счастливо пожить,
да детей поженить бы,

да на внуков взглянуть...
Словом, крепкие нити
в даль времен протянуть.
Не хочу торопиться
в нежилые края —
за душою страница
ненаписанная!

И покамест я таю,
погружаясь во мглу,
может быть, что Алтаю
я стихом помогу.
Может быть, я добавлю
в мир крупицу любви,
край родимый прославлю —
мама, благослови!
Тяжесть жизни и долга
разместилась в груди...
Так что ждать меня — долго,
но ты все-таки жди.
Грянет черная дата,
остановится кровь...
И быть может, тогда-то
мы увидимся вновь.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я падал много раз:
То споткнешься на ходу,
То поскользнешься на льду,
То наткнешься на беду.
Я падал много раз.
Благословляю те места,
Где падал много раз.

Я плакал много раз:
То мама грудь не давала мне,
То я ее ждал в чужой стороне,
От большого горя рыдал,
От большой радости тоже рыдал.
Словом, я плакал много раз.
Благословляю те места,
Где я плакал много раз.

Еще немало я проживу,
Падать и ушибаться буду.
Вставать и подниматься буду.
Возмущаться буду.
Восхищаться буду.
Еще немало я проживу.
Благословляю те места,
Где дорога моя пролегла.

РОЖДЕННЫЕ ВЕСНОЙ

В сторону анкеты!

Суть — в одной
Истине, чей свет нам драгоценен:
Все, друзья, мы родились весной —
Той весной, когда родился Ленин.
...Волга билась в берег. Вся дрожа,
На ветру

капель роняла ветка.
Русь плыла, как тяжелая баржа,
Сквозь туман трагического века.
А в долинах, где Катунь-река
Льется, вся от неба голубая,
Умирало счастье бедняка,
Как цветы под сапогами бая.
Старый мир бесправия и зла,
Смог ли ты почувствовать глубоко,
Что в тот день

через тебя легла
Трещина,
чуть зримая до срока?
Прелегла средь уличных торцов,
Потянулась к тюрьмам и кордонам,
Тронула фундаменты дворцов,
Снизу вверх взбежала по

колоннам...
Дед мой, живший от столиц вдали,
Гнувший спину, в кровь стиравший руки,
Знал ли ты, что в день тот обрели
Счастье

неродившиеся внуки?
Будоража старое жите,е,
Паводком врываясь на просторы,

Шла весна —
и первый гром ее
Грянул с борта
крейсера «Аврора»...
В сторону анкеты!
Суть — в одной
Истине, доказанной на деле:
Все, друзья, мы родились весной,
В том
бессмертном
ленинском
апреле!

* * *

Мой народ!
Я хочу быть конем
Иль могучим быком,
может быть,
Чтоб тебе
безотказным трудом
До конца своей жизни
служить.
Я тебе
буду верен,
как пес,
Лишь позволь
охранять твой порог.
Буду драться
до крови,
до слез
За малейший
лесной
уголок.

Дай
набрать мне
для честных стихов,
Чтоб они
пережили века,
Самых
нежных
и правильных слов

Из глубин
твоего родника.

Дай мне краски
Алтайских хребтов
На рисунки
для будущих книг,
Защити
от коварных врагов
Мудрой правдой
сказаний твоих.

Дай
сгореть мне
священным огнем
В негасимом
твоем очаге...
Мой народ!
Я родился в тебе
И умру
у тебя под крылом!

* * *

Я — горного кедра колючая ветка!
Расту. Зеленею. И с первого дня
Гроза надо мной пролетала нередко
И молнии косо метала в меня.

Я знаю: цветут по долинам березы.
Я знаю: шумят в городах тополя.
Там ветры потише, помягче морозы,
Там корни щедрее питает земля.

Но я вот привычней к суровой природе,
К неласковой почве, к высокой свободе,
Где рядом орлы и орлицы парят.
Не мне, извините, расти в огороде,
Не мне, уступая погоде и моде,
Менять по сезону свой цвет и наряд!

Люблю на осеннем рассвете проснуться,
Услышав раскатистый выстрел ружья.

Люблю — пусть единожды в год! —
прикоснуться
К руке зверолова, шершавой, как я.

Когда же в долины устало и хмуро
Спускается сумрак — люблю до утра
Предания слушать под звуки топшура,
Дыша горьковатым дымком от костра...
Секло меня, било дождями и снегом,
Но я продолжаю — назло! — зеленеть.

Я — горного кедра, одетого небом,
Колючая, гордая, крепкая ветвь!
В расселины камня вцепившись корнями,
Упрямые соки по жилам гоня,
Зажег он меня, как зеленое пламя...
Из сердца однажды он создал меня!

Как ветер ни свищет, как вьюга ни злится —
Мне стойкости хватит на битву с судьбой.
Я с кем-нибудь даже могу поделиться...
Мой друг неизвестный!
Быть может, с тобой?

НОЧЬ В ГОРАХ

Ночь. Алтай.
Луна — как сережка.
Четкий профиль горной гряды.
Можно трубку, привстав немножко,
Раскурить от любой звезды.

Тишина...
Но скажу одно я:
Кто нелепость придумал ту,
Будто можно, мол, тишиною
Звать
Лишь мертвую немоту?

Будь слова бездушные эти
В самом деле всегда верны,
Никогда, ни за что на свете
Не любили б мы тишины...

Встаньте рядом, дайте мне руки,
Я рассказывать вам начну:
Различимей дальние звуки,
Как сквозь линзу,
Сквозь тишину.

Вот марал протрубил на склоне,
Кедр под ветром запел струной.
Вот
На пастбище где-то
Кони
Бьют копытами в шар земной.

Тишина.
Колыханье веток...
И костры зажглись на земле,
И сквозь ветки мне виден свет их —
Весть о дальнем
Живом тепле.

...Если будете в нашем крае
И костер вам блеснет сквозь тьму,—
Время попусту не теряя,
Поспешите в гости к нему!

Чашка будет.
И трубка будет.
Просто, искренне встретят вас
Чабаны — достойные люди,—
Как встречают меня сейчас.

Не спеша разговор наш длится —
Будем вместе встречать зарю...
Про ученье,
Про жизнь в столице
Я в подробностях говорю.

И невольно припоминаю,
Как была мне и там нужна
Эта чуткая и земная,
Эта горная тишина.

Здесь мой край. И совсем не чудо,
Что в рассветной плывущей мгле
Мне слышней бывает отсюда
Поступь Времени по земле.

СОЛЬ

Раз повстречался парень один
В горах со своей судьбой.
Она держала в одной руке
Сахар, а в другой — соль.
«Что выберешь ты,— сказала она,—
То будет всегда с тобой!
Подумай теперь,— сказала она,—
И выбор сделать изволь».

Задумался парень. Думает час,
А может быть, два часа.
Судьба терпеливо стоит и ждет:
Что скажет он наконец?
И чудится парню, что слышит он
Знакомые голоса.
«Сахар!» — совет подает сосед.
«Соль!» — говорит отец.

И вспомнил парень рассказ отца:
Когда-то давным-давно
Не стало соли, кончилась соль
В один неудачный год.
И пропотевших людских одежд
Грубое полотно,
Без соли страдая больше людей,
Жевал ошалевший скот.

И уходили мужчины в путь,
Долгий, словно зима,
За солью, с виду такой простой
И драгоценной столь.
За солью, белой, как снег вершин,
Желанной, как жизнь сама...

Вспомнил парень и твердо сказал:
«Я выбираю соль!»
Он много троп и дорог прошел,
Он людям в глаза смотрел.
Он побратался с трудной, мужской,
Лучшей из лучших доль.
Он в реках тонул — и не утонул,
В огне горел — не сгорел,
Он жизнь до конца изведal на вкус:
И сладость ее и соль.

Когда ж он закончил жизненный путь,
Став белым, как соль, как снег,
О нем говорили так земляки:
— Сегодня ушел от нас
Крепкий, как соль,
Нужный, как соль,
Товарищ.
Соль-человек!

А приторно-сладких, сахарных слов
Никто не сказал в тот час.

* * *

Во мне угнездилась большая тоска.
Горечь горькую я таскал.
Потому что я сын
 маленького народа.
Думалось: переплыву океан,
Прорвусь сквозь волны, ревущие в нем,
Прибуду в чужие города,
Чьи окна залили полмира огнем,
А там посмеются,
 а там попрекнут,
При встрече смеряют взглядом косым
Или обидным словом кольнут:
— Ты маленького народа сын,
Зажатого,
 затерянного в горах!..
Сегодня я победил этот страх,
С этого дня
Печаль не мучит меня.

Я не смущаюсь,
наоборот,
Горжусь тобой,
Мой маленький, черноголовый народ.
С высоко поднятой головой,
Нации своей не стыдись,

прохожу.

А почему? Сейчас расскажу.
Слушайте, люди!
Сколько алтайцев?

Пятьдесят тысяч.

Мало? Мало, что ни говори,
Но не так уж мало, в конце концов!
Свои у алтайцев богатыри.
Своих среди нас найдешь мудрецов.
А тот, кто сегодня не найдет,
К нам завтра

за мыслью и мощью

придет!

Алтайские девчата,
алтайские ребята,

К вам обращаюсь,
вам говорю:

Чтобы невидимое увидеть,
Чтобы неслышимое услышать,
Головы выше,

смелее дерзайте,

Молнией мысли
мир освещайте!

Если, земляк, есть у тебя, пусть небольшой, талант,
Можешь умножить его стократ, тысячекрат
В дальних дорогах,

в исканьях больших,

В шелесте многих
трудных книг.

Только не экономь труды,
только не бойся беды.

Чтоб не было вовсе страшно тебе,
чтоб ты сражаться мог,

Черт ли выйдет из-под земли,
С неба ли спустится бог!

А если побежденным падешь
на родимую землю свою,

Люди скажут:

он погиб,

но он погиб в бою.

Знаю попытку — и не одну —

лодочников-смельчаков

переплыть

громыхающие моря.

В синих морях шли ко дну,

зеленых не увидев берегов,

но погибали не зря.

И сын простого рыбака

море преодолел на челне,

Чем прославил свой народ

и полюбился мне.

Пусть малой пташкой

родился ты

в тиши горных хребтов —

Стать Кан-Кереде,

величайшей из птиц,

ты должен быть готов.

Чтобы врезаться

в скопление звезд,

в глубины земных пластов.

Если ты просто железный нож

в деревянных ножнах бедняка,

Пусть закаляет тебя огонь,

остужает тебя река.

Десятикратно охлаждена

и столько же раз горяча,

Плоть твоя навсегда обретет

силу и прочность меча...

Мир!

Слушай меня и ликуй:

Я не печалюсь,

что мой народ — маленький народ.

Это бремя я сбросил с плеч

и гордо иду вперед.

Происхождением своим горжусь

и тем, что честно тружусь,

А также тем, что родной земле,

наверное, пригожусь!

Ищу надежную тропу

среди непролазных троп.

Щупает звездную толпу
 глаз моих телескоп.
Среди человечества я брожу
И человека в нем нахожу.
Вот неприступный уступ горы загородил зарю.
День проходит — я бурю.
Ночь наступает — бурю.
И если я проторю пути,
 незнакомые до сих пор,
Или слова сумею найти,
 проясняющие взор,
Кто же тогда
 раскроет рот,
Чтобы сказать,
 что мой народ — маленький народ?

ГОЛОС СНЕГА

Голос снега, голос снега,
Ты всегда в пути со мной —
Вечный зов родного неба,
Эхо гор земли родной.

Снилось мне:
Горело поле,
Буря была через край.
Я тогда впервые понял
Твой суровый нрав, Алтай!

Голос снежного Алтая
Был надеждою живой,
А краса родного края —
Путеводною звездой.

Тихий вздох Отчизны нежной
Мне сопутствовал в пути,
Белых сопок голос снежный
Продолжал за мной идти.

А когда весна настанет
И сугробы оживут,

В ручейках снега растают
И под солнцем запоют.

В пояс всадникам былинным
Травы встанут.
И тогда
Отползут снега к вершинам,
В поднебесье, в царство льда.

Осень в дымчатом уборе,
Уходя, оставит след
Долгих снов...

Но землю вскоре
Вновь накроет первый снег.
Вновь родной Алтай, как жемчуг,
Засверкает белизной,
И в горах снега зашепчут,
Собираясь в путь со мной...

Пусть беда лихая будет
Ждать среди чужих степей —
Чистый голос
 снежной бури
Навсегда в крови моей.

СТИХИ О КОНЕ

Кони, кони алтайских отеческих гор!
Я с младенческих дней вам товарищем был.
Побродив и поездив по свету,
с тех пор
Много видел я, кони, но вас не забыл.
О игрушки мои — бабки диких косуль! ¹
В каждой косточке, помню,
я видел коня.

А позднее — стремительней ветра и пуль —
Неоседланный конь
нес мальчишку,
меня.

¹ Бабки диких косуль — любимые игрушки детей на Алтае. Обычно в играх они обозначают различных животных.

Там на каждой тропе —
ваш отчетливый след,
Там, на волны кося понимающий взгляд,
Утром кони из речек
пьют горный рассвет,
Вечерами
из речек пьют горный закат.
Мы беседуем с ними
на «вы», как с людьми,
Уважительный, добрый обычай храня...
Но забыть не могу я — читатель, пойми! —
Как недавно я в городе встретил коня.
Запряженный с утра, в след машинных колес
Он ступал тяжело.
Он дышал тяжело.
И пустые бутылки он в ящиках вез —
Гроыхало,
звенело и пело
стекло.
Я в глаза поглядел мимоходом —
друг?
Убедился: не видят, уснули глаза!
Что приснилось тебе,
добрый старый мой друг?
Может, утро в горах
и на травах роса?
В такт кивая шагам, по асфальту бредешь,
Гул трамваев и запах бензина терпя...
О товарищ мой,
как на тебя я похож!
О, насколько же я не похож на тебя!

СТАРИК

Осень листья желтые роняла,
Но еще далек был первый снег.
Сотню лет прожив —
совсем немало! —
Умер на Алтае человек.
Умер дед,
могучим кедрам равный,
Вся деревня говорит сейчас:

— До чего ж он добрый был и славный,
Ах, как рано он ушел от нас!..

Это слово, может быть, дороже
Всех посмертных мыслимых наград:
Целый век —

немалый срок,

и все же

«Ах, как рано...» —

люди говорят.

Что ж на свете совершил такого
Он, земного шара старожил?
Просто жил достойно и толково
И в горах отару сторожил.

Просто жил, пустого не болтая,
Просто был, считая труд за честь,
Чабаном, какие на Алтае —
Оглянись — в любом колхозе есть.
Просто жил, отцом и дедом звался,
Людам верил и за много дней
Сердцем

с ложью

никогда не знался,

Потому что не нуждался в ней.

Просто жил...

Неслышно мчались годы,
Множились морщины, и сейчас
Он лежит, прямой, длиннородый,
С трубкой разлученный в первый раз.

Он с людьми сегодня расстается,
Не вздохнет и не поднимет век...
Но в сердцах, как прежде, остается
Он,

земляк мой,

вечный человек.

* * *

На тебя загляделся Алтай,
Ты на диво светла и юна.

Ты как горный цветок — танталай,
Ты как птица тайги — агуна.

Вдоль таежных грохочущих рек
Ты проходишь в одежде простой,
И лицо, словно выпавший снег,
Дышит нежностью и чистотой.

Ты выводешь отару в луга,
А когда золотые, с каймой,
Запылают огнем облака,
Возвращаешься с нею домой.

Где-то полночь ступает, темна,
По следам отшумевшего дня.
Ты не слышишь ее. Ты одна
Тихо с книгой сидишь у огня.

Ах, как хочется все повидать,
Побывать далеко-далеко!
Но больна твоя старая мать —
И прожить ей одной нелегко.

Пробудилась тайга. Облака,
Розовея, проходят над ней.
Начинается день, как река,
Что летит, грохоча, меж камней.

Ты еще не проснулась?.. Вставай!
Плещет в берег, волнуясь, волна.
Ты как горный цветок — танталай,
Ты как птица тайги — агуна.

ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК

Где же ты, мой голубой цветок,
Где же ты, бессмертие мое,
Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острие?

Я ищу не первый год подряд.
Где же лепестки твои горят?

Ты отводишь горе, говорят,
Юность возвращаешь, говорят!

Не цветешь ты в комнатном тепле.
Не даешься в руки за рубли.
Сколько смелых на пути к тебе
Снежные лавины погребли!

И поныне этот путь не прост.
Торопясь к тебе, моя мечта,
Я спугнул немало тихих звезд,
Мирно спавших на краю хребта.

К тем вершинам, где живут орлы,
Вновь спешу я нынче за тобой.
Где, в какой расселине скалы
Ты расцвел, цветок мой голубой?

Может, с наковальни кузнеца
Ты дымком поднимешься к звезде?
Может быть, взойдешь, томя сердца,
В этой строчке, словно в борозде?

Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острие —
Отзовись, мой голубой цветок,
Отзовись, призвание мое!

* * *

Осень. Пусто в горах.
У бегущей воды —
Хоть еще не застыла —

стада не теснятся.

Их прощальные,
вмерзшие в землю следы
Под покровом снегов до весны сохраняются.
Старый кедр недовольно шумит на ветру.
Все березки стоят беззащитны и голы.
Смотрит в юрту бродячий туман поутру —
Ни души. И скучают, как женщины, горы.
Словно вдовы стоят неподвижно тихи,
А кругом по долинам — ни слова, ни смеха.

— Эге-гей! — я кричу. — Где ж вы все,
пастухи!
— Эге-гей!
Эге-гей! —
откликается эхо.

* * *

Я денег много не скопил,
Но жил наверняка!
И то, что безлошадным был, —
Беда невелика!

Но если нету очага
И нет своих детей —
Вот это, братец мой, беда —
Любой беды страшней!

Благодарю свою судьбу!
Я жизнь прожил не зря!
Очаг отцовский берегу,
И рядом — сыновья!

* * *

Моей матери

Раз проснулся я: луна
У дверей — такая робкая!
Показалась мне она
Нашей белою коровкою.

Точно так она ждала —
Без мычания, без жалобы,
Чтобы ты к ней подошла,
Подоила, приласкала бы.

...Ночь синела, глубока.
Мне приснился голос матери
И парного молока
Кружка полная на скатерти.

Если ты во сне увидишь,
Как сосна в росе искрится,
Знай, родная: это слезы,
Те, что пролил я в тиши.
Если ты во сне увидишь
Белый путь, бегущий в дали,—
Чутким сердцем догадайся:
Это зов моей души.

Если ты во сне увидишь:
На Семинском перевале
Снег не к сроку выпал, значит,
Поседел в разлуке я.
Если ты во сне увидишь
Белый путь, бегущий в дали,—
Значит, встретимся не скоро,
Ненаглядная моя.

Если ты во сне увидишь
Тихий холм моей могилы —
Не пугайся: это к долгой
Жизни, говорят, как раз.
Если ты во сне увидишь,
Что очаг наш загасило,—
Ты не верь! Возможно ль, чтобы
Жар любви моей угас!

Женщина расчесывала ночь,
Стоя перед зеркалом.

А мимо

Проходило солнце.

Ах, к любимой

Приласкаться и оно не прочь!
Сквозь окошко потянулось косо,
В пряди запуталось густой...
И вплела

моя

родная

в косу

Тонкий-тонкий лучик золотой.

Вблизи села, в кладбищенском логу,
Брожу среди могил.
О, многих здесь припомнить я могу,
И многих я любил!

И не поправить тут, и не помочь:
Их дело — решено.
Их вечная сейчас объемлет ночь.
Теперь им все равно.

Идет ли дождь, хорош ли урожай
На их полях родных...
Им ничего теперь уже не жаль,
Нет радостей у них.

А мне еще на свете долго жить
(Надеюсь, это так!),
И много песен солнечных сложить
(Надеюсь, это так!),

И на ноги поставить сыновей
(Ведь у меня их — два!),
И, может быть, услышать от людей
Хорошие слова.

Ах, в милой жизни, шумной, как река,
Пьянящей, как вино,
Хочу успеть побольше я, пока
Мне станет все равно!

ДОЧЬ ЧАБАНА

— Ты откуда явилась
На белый свет?
Нежней цветка,
Свежей ветерка,
То ли ты русалка — чудо речное,
То ли эхо лесное?

— Нет, я дочь чабана,
Мое имя — Чачак,

Наш автобус кружит, кружит,
И кружится голова.
День весенний мчит по лужам.
Эта женщина права...

У меня слабеют руки,
Сердце стонет, как струна.
Что за дьявольские штуки
С нами делает весна.

Я сейчас пройду сквозь двери,
Потеряю даже след...
Но она еще, я верю,
Просмеется много лет.

ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНЬЕ

По горной узенькой тропе,
Опасливо ступая,
Сошла к серебряной реке
Босая женщина в венке —
Пастушка молодая.

Вокруг прохладой дышит лес,
И горы громоздятся,
И волны в поисках чудес
Отчаянно резвятся.

И — ни души в лесу пустом...
Но кажется пастушке,
Что кто-то скрылся за кустом,
Что солнце вслед за ней тайком
Прокралось до опушки.

Стыдясь насмешливых лучей,
Разделась торопливо,
В студеный утренний ручей
Ладони опустила.

И, споря с быстрою волной,
Качнула стройным торсом,
Сплела за круглою спиной
В тяжелый узел косы.

Живой водой омыла грудь,
Побрызгала на плечи,
Решила все-таки рискнуть —
И прямо с берега нырнуть
В объятия синей речки.

Мгновенный всплеск! Она в воде
Кружится, приседает,
И ветер, путаясь в волне,
Ей косы расплетает...

Но свист слышался в ветвях.
Пастушка оглянулась,
К одежде, спрятанной в кустах,
Испуганно рванулась.

И замерла. Навстречу ей,
Опасности не чуя,
Метнулась вдруг из-за ветвей
Красавица косуля...

В глазах косули виден страх.
Пастушки хрупкой плечи
Дрожат, как тонкая листва...
Два совершенных существа
В момент неожиданной встречи...

Вновь раздается тонкий свист,
Все глубже их смятенье...
О, не спеши, остановись
И в горной речке отразись,
Прекрасное мгновенье!

* * *

Дремлет мир под звездами большими,
Только я не сплю да ты со мной.
Тихо-тихо.

«Горные вершины,—
Вспоминаю,— спят во тьме ночной...»
Чуть курятся

синие отроги,
Птица на ветвях не засвистит,

И прямой,
по-лермонтовски строгий
«Сквозь туман кремнистый путь блестит».
Где-то дети дремлют, разметавшись,—
Пусть к ним сны хорошие придут!
Где-то степи дремлют,
размечтавшись
О хлебах, которые взойдут.
Тишина,
свернувшись,
спит в бутонах,
И миры полночные горят.
Тихо-тихо.
Лишь сердца влюбленных,
Как звезда с звездой, говорят...

ИСЧЕЗНУВШИЕ ПТИЦЫ

Вы, алтайцы мои!
О народ мой родной!
Помогите
в раскрытии тайны старинной одной!
Говорят,
Что когда-то в далеких замшелых веках
Чудо-птицы летали в Алтайских горах.
Где они, эти птицы?
Быть может,
их перестреляла война?
А, может быть,
другую бедою
Порода их истреблена?
Люди рассказывают,
На Алтае когда-то жила
Птица, именем — Кулады,
Но большая или маленькая была,
И какой был голос у ней,
И окраска —
была ли печали черней
Или, может быть, снега белее была?
Неизвестно,
Но рассказывают,
Что когда-то вот здесь,
На Алтае жила.

Птицы нет Кулады,
А селение есть Кулады.
Там поют вечерами,
Дневные окончив труды:
«Нет скалы

 среди скал,
Не садилась чтоб там
Кулады,
Я и года в веках не сыскал,
Где бы мы не узнали беды».
О народ мой родной,
Неужели ты счастья
В веках не встречал?
Неужели таскал на плечах
Только горе, беду и печаль?
Расскажи мне, гора,
Расскажите, родные леса,
Про диковинных птиц,
Про расцветку пера,
Про веселые их голоса!
Люди сказывают:
Когда-то
Здесь росло и цвело
Птичье племя

 по имени Дёло.
Кто их гнезда зорил?
То ли град их побил?
То ли буря рассеяла их?
Но куда улетели птицы
 с именем Дёло?

Почему их напев
 в наших горных урочищах стих?
Что за птица была?
Зла?
Быть может, добра?
От нее не осталось
 и маленького пера.

Ни пера не осталось,
Но имя — осталось.
Поедем в село,
Именующееся и теперь Дёло.
Там живет моя мать,
Мы попросим, чтоб спела она

Про судьбу этой птицы,
Про сказочные времена:
«О когда же окончится

ожидания час?

О когда же наступит свидания час?

О когда же скалу

Осенит и согреет крыло

Птицы —

с именем Дёло?»

Я опрашивал горы,

Спрашивал я леса,

Я упрашивал синие небеса:

«Неужели исчезли даже следы,

Неужели навеки время прошло

Птиц по имени Кулады,

Птиц по имени Дёло?

Говорят, они гнезда здесь вили,

Кормили птенцов,

Говорят, что в этих деревьях

Пели,

Что в этой листве шелестели.

Неужели,

в конце концов,

Навсегда они улетели?

Неужели

в чужой стороне,

Опереньем блистая,

Вспоминать не хотят обо мне,

О просторах Алтая?

Неужели не снится, птицы,

родина вам,

Как вы родине снится?

Отзовитесь,

Вернитесь!»

УТРО

Звезды в небе надо мной

Исчезают по одной...

Без предела, без границы

Рассветающий простор.

Солнце вскинуло ресницы
Золотые из-за гор.
И восходит величаво
По ступеням высоты...
— Здравствуй, Солнце! — шепчут травы.
— Здравствуй! — клонятся цветы.
Словно сын пришел с чужбины,
Мать-земля встречает сына:
— Здесь твой дом! Входи! Сходи!
И глаза ее лучатся,
И роса, как слезы счастья,
Высыхает на груди...

СЛЕЗЫ

Ты знаешь, что разные слезы бывают...
Бывает —
Они, как свинец, убивают,
Бывает —
Как дождь в раскаленные дни,
Надежду и жизнь
Возвращают они.

Ты видел, товарищ, как плачут мужчины?
Их слезы — тяжелые слезы.
Морщины
От них на щеках остаются навек,
Как русла бесплодные высохших рек.

Ты знаешь, что разные слезы бывают.
И разно они
На глаза наплывают:
Темны, как измена,
Светлы, как лучи,
Как смерть, холодны,
Как любовь, горячи.

Сумел бы немало про них рассказать я!
Нежней, чем объятье,

Черней, чем проклятье,
Бывают они.
И не ясен ответ:
Как все-таки —
Верить слезам или нет?

Но, может, важнее всего для поэта:
Людей повидавши,
Объехав полсвета,
Под кровом, что памятен с детской поры,
В слезе материнской
Увидеть
Миры!

НА ОСЕННЕМ РЫНКЕ

Я люблю осенние базары —
Рад по ним шататься хоть полдня!
Волны остывающего жара
Обдают
со всех возов

меня.

Вот лежат арбузы, полыхая
Мякотью...

Какие толстяки!

Будто на прилавок, отдыхая,
Положили головы быки.
Здесь, как в чаще, узкая дорожка,
И базар

как добрый лес гудит.

Крупная,

глазастая картошка

Из мешков на горожан глядит.

Вот старик,

лукаво дрогнув бровью,

В круг — на пробу — яблоко пустил:

— Ешьте, покупайте на здоровье,

Новый сорт, сам вывел, сам растил!

Но ловлю внезапно в общем гуле

Крик, летящий в сторону мою,—

Словно в спину кулаком толкнули:

— Подходите! Землю продаю!

Оглянулся...

Парень, сбитый плотно,
(Что ни слово — по сердцу ножом)
Поясняет каждому охотно:
— Как же.

Настоящий чернозем!
Сам привез! Для комнатных растений! —
Говорит, угодливо юля.
...Я стою,

взволнован и растерян:
В банках, в крынках —
вот она, земля.

Та, что мной любима, по которой
Сделал я когда-то первый шаг!..
И молчу, расплакаться готовый,
«Покупайте землю!» —

как же так?
Может, я насмешки чьей-то стою,
Может, лишним пафосом грешу.
Но тогда хотелось мне, не скрою,
Рот набить землею торгашу.
Чтобы вкус ее нелегкой соли
Научился парень понимать!
Подхожу — как будто из неволи,
Из недоли

собственную мать
Выкупаю!

Не сказав ни слова,
Из кармана деньги достаю.
Мне рублей не жалко,
лишь бы снова

Не услышать:
«Землю продаю!..»

* * *

Всему грядет конец законный.
Судьба людская под луной
Идет над пропастью бездонной
Скользящей, узенькой тропой.

Мы все умрем.
А эти горы

Стоять останутся навек,
И солнце сквозь века и годы
Продолжит свой циклический бег.

Но помни:
Истина святая
Путь освещает далеко.
А мы с тобою с Онгудая,
И племя наше велико.

Мы, умирая, скажем смерти,
Что реки, горы и поля
Не пропадут без нас на свете —
Бессмертна юная земля.

Две тропки
Спор продолжат странный
На много-много лет вперед:
На этой расцветут тюльпаны,
А та — полынью порастет...

И пусть над скатертью цветною
Сияет солнце дотемна,
А ночью над травой сухой
Восходит бледная луна.

* * *

Во сне
Я много раз умирал
И всех родных
И друзей собирал.

Губы шевелились едва-едва,
И падала теплая слеза,
И падали теплые слова
На мои холодные глаза.

Бледный свет чуть трепетал —
Лампадный огонек,
А я лежал в гробу и читал
Свой собственный некролог.

И шли поезда
по моей груди,
Составы текли рекой,
И кто-то
далеко позади
Махал из окна рукой.

И вновь собирались ко мне друзья,
И сестры,
и сыновья,
И мать моя,
И жена моя,
И радовался я:

Ну что плохого в смерти моей?
Ну кто бы подумать мог:
Лучше рецензий и статей
Газетный некролог!..

В сущности, приятный сон:
Всех родственников поглядел...
Утром, только кончился он,
Я за столом сидел.

Рассказывал детали жене,
Потом на работу спешил,
И мысли бежали, бежали ко мне,
Выбивались из сил.

МАЛЫЕ НАРОДЫ

У малых народов и нынче на свете
кое-какие заботы свои.
Звучит наш язык, улыбаются дети —
так как же забыть нам заботы свои?

Охотники мы, пастухи, скотоводы,
привычен костров нам клубящийся дым.
Но только ли в этом призванье народа?
Но только ли этим себя утвердим?

Не только! У нас — и врачи, и поэты,
ученые — люди крылатой мечты.
Но главные песни еще не пропеты!
Но главные кручи еще не взяты!

Раскрыть предстоит нам и ярче, и шире
большую и светлую душу свою,
шагая в сложнейшем сегодняшнем мире
с большими народами в общем строю.

Есть в каждом народе волшебная жилка:
родился ж когда-то в метельной пыли
по имени Тыко, по прозвищу Вылка
художник у ненцев, у края земли!

Был Гуркин — алтаец...
Прносятся годы,
и верю я, целя в грядущее взгляд:
не раз еще малые наши народы
сынами великими мир удивят!

Светла наша доля под небом Союза,
а если глобальные взвесим дела —
мы шару земному отнюдь не обуза:
без нас бы планета беднее была.

Когда она вся от разрывов дрожала,
и стлался удушливый дым по стране,
от общей беды, от большого пожара
и малый народ не стоял в стороне.

Сегодня, конечно же, время иное,
сегодня — и легче живем, и сытней.
Но только ли в сытости счастье земное —
и наше, и наших подросших детей?

Ты в малом народе, товарищ, родился,
живи же, людскому подвластный суду,
так, чтобы народ твой тобою гордился,
ведь в малом народе мы все на виду.

Легко и свободно шагай по планете,
но помни повсюду родимый свой край

и в буйном, порывистом ветре столетья
алтайскую шапку свою не теряй!

СЫН УЧИТСЯ ГОВОРИТЬ

Со дня рождения
До смертного часа
Человек учится на человека:
Падает, как человек,
Встает, как человек,
И вновь шагает по земле — человеком.

Все его движения,
Все труды и дни —
Для того, чтобы стать человеком:
По-человечески улыбаться,
По-человечески плакать.

Чтобы стать человеком,
Большим, настоящим человеком,
Мой сын-несмышлениш
Учится говорить.

— Скажи, сынок, «папа».
— Скажи, сынок, «мама».
— Скажи: «Я не зверь».
— Скажи: «Я человек!»

Мой сын роется в песке,
Чтобы стать человеком.
А мой друг роется в бумагах
И копается в звездах,
Чтобы стать доктором наук.

У маленького сына
И у ученого друга
Очень похожая работа:
Сын учится распознавать
Запахи цветов и хлеба,
Друг учится слушать
Голоса далеких планет.

Со дня рождения
И до смертного часа
Человек учится на человека —
У чужих людей
И у своего времени.

Потому-то так похожи
Труды моего смышленного друга
И труды моего несмышленныша сына:
Оба они без усталости
Что-то для себя
открывают и открывают.

МЫЧИТ БЕЛАЯ КОРОВА

Слышу мычанье — и год забытый
Шевелится в моем теле.
Ползут ко мне с зеленых джайлау
Тягучие песни старухи Янчи.
...Белая корова, да, белая корова
Тогда гремела над всем Алтаем.
У нее умер белый теленок.
Белое молоко струило вымя.
Несчастливая корова рыдала.
Старуха Янчи сделала чучело,
Положила перед коровой,
Стояла молча и смотрела.
Белая корова, не уставая,
Гремела над всем Алтаем.
Вдруг она понюхала чучело
И начала лизать и лелеять
Белое чучело, как живое.
Старуха Янчи подсела к корове
И запела.
Струя песни густой, тягучей
Ударил в землю.
(Может быть, старуха хотела
Смягчить горе коровы?
Может быть, она изливала
Свое горе —
Откуда понять мне, мальчишке?)

Когда мычала белая корова,
Черное горе рычало над миром —
Такое тяжелое, что согнулись
Плечи земли под этим грузом.)
Люди говорили,
Что сыновья старухи
Далеко-далеко, в какой-то «Войне»,
Кровавом краю.
А где этот край,
Откуда понять мне, мальчишке?
Песню, похожую на рыданье,
Запевает старуха,
Только сядет к своей корове.
Мычит белая, белая корова,
А красный, красный закат вечерний
Дрожит, качается от мычанья.
«Если сыновья мои будут живы,—
Запевает старуха,—
Будущей весной они вернутся,
Когда золотыми голосами
Кукушки запоют над весной».
...Много раз прилетали кукушки
И на ветвях качались.
Много раз уходило лето.
Но из кровавой страны «Война»
Не возвратились сыновья старухи...
Слышу мычанье — и год забытый
Шевелится в моем теле,
И давние песни старухи
Проплывают сквозь долгие годы,
Звонят печально и горько
И до меня доплывают.

* * *

Весной с зари
На весь зеленый склон
Ягненок блеет.

А летом видно,
Как над казаном
Пар молока белеет.

В осенний час
Курлычут журавли —
Тоскливей нет приметы.

Зима для нас —
Охотничьей лыжни
След, уходящий в лето.

ЗЕЛЕНАЯ КУКУШКА

По алтайскому преданию девочка, плача над могилой брата под зеленым деревом, превратилась в кукушку и так плачет над ним каждый день до сих пор.

То ли сам я песню пою,
То ли голос кукушки дальней
Колыбель качает мою
Песней своей печальной.

Где-то там,
В краю снеговом,
Чудо-дерева
Нет чудесней.
Там кукушка
С зеленым крылом
Поет зеленые песни.

— О ты, мое дерево,— плачет,— нежное!
О могила,— выводит,— свежая!

Сплю под деревом тем вдали,
Не умею от сна очнуться
И с неведомой той земли
Не могу на Алтай вернуться.

Разом,
Словно по волшебству,
Просыпаюсь.
Поют кукушки
За рекой,

На лесной опушке.
За излукой поют речною.

...Мысль о смерти и наяву
Долго кружится надо мною.

* * *

До свиданья, слава! Без тебя
Проживу спокойно в этом мире.
Только зрелый возраст полюбя,
Понял я, что дважды два — четыре.

Крыльями заманчиво шурша,
Слух и взор мне слава обжигала.
Сладкой мукой мучилась душа:
Все вокруг соперников искала.

Отрезвел сегодня утром я —
С облаков упал и не разбился.
Под ногами прочная земля,
Я в земное странствие пустился.

Слава, над моею головой
Больше ты крылом своим не хлопай.
Как ожог, в душе моей не ной.
Больше не пойду к тебе в холопы.

Я освободился — ты поверь.
Доброта идет тебе на смену.
Белое от черного теперь
Стану отличать я непременно.

Жизнь (я понял) — это жизнь сама.
Все реально — горы и колодцы...

Чувствую, что близится зима,
Значит, валенки надеть придется,

Понял я, как человек силен,
Как ничтожна слава в этом мире.

...Вновь и вновь, однако, удивлен
Тем, что дважды два — всего четыре.

* * *

Погляди на руки матери, сынок.
Вспомни, как она, сбиваясь с ног,
Мыла, шила, убирала и пекла,
Колыбель твою качала до света.

Ты в глаза ее, мой милый, загляни.
Сколько суток не смыкали век они,
Чтоб тебе заплакать не пришлось,
Чтобы сладко, как положено, спалось.

Кто пеленки гладил и менял?
Кто тебя улыбкой охранял?
Взрослым стал ты, но и нынче, милый друг,
Чист ты чистотою этих рук.

Поздно ночью возвращался ты не раз
На чудесное сиянье этих глаз.
Постоянно, рядом и вдали,
Лишь они покой твой берегли.

Час настанет, и его не миновать,—
В путь последний ты проводишь мать.
Но во имя памяти о ней
Становись все тверже и честней.

Мужеству и правде долг отдай —
Матери надежды оправдай.
По заветам истинной любви
Человеком век свой проживи.

Девушек люби ты и цветы,
Снег незамутненной чистоты,
Свой очаг и в очаге огонь...
Но навеки матери ладонь
И ее ушедших глаз тепло
В жизни —
Главное твое добро.

БЕЛАЯ ЗВЕЗДА

Лихо мчусь
На рыжей кобылице.
У нее во лбу
Звезда, как снег.
А в ночной дали
Свечой искрится
Голубой звезды
Желанный свет.

Кобылица мчит
Звезде навстречу,
Содрогая
Топотом копыт
Шар земной.
На лбу ее — предтечей —
Белая отметина горит.

Обернулась
Вся судьба дорогой.
День и ночь
Стремглав лечу вперед:
Ясный свет
Моей звезды далекой
С детских лет
Покоя не дает.

* * *

Медленно кружится
Старой пластинки круг,
Снова Сорпона Этенова
Голос слышу.
Снова Алтайские горы
Стоят вокруг.
Вновь голубые дороги
Ведут все выше.

Снова мне кажется,
Будто над всей землей
Кедры одни шелестят
Бесконечным звоном.

Снова мне кажется,
Будто бы надо мной
Хвоя их занята
Спором своим зеленым.

Мчится пластинка, как время,
За кругом круг,
Безостановочно,
Словно сама планета.
Вместо икили
Камус¹ появился вдруг.
Осень пришла к нам
По следу былого лета.

Сыты маралы и с горных трубят вершин.
А на вершинах
Прохлада лежит ночная.
С небом сливаясь,
Летит журавлиный клин,
О расстояниях
Ничего не зная.

Острого инея
Брызги вдоль всех полян,
Красные ноги мои
Приминают травы.
Снова кочуют коровы
На зимний стан,
В тысячный раз
Покидают они Яйлау.

Медленно кружится
Старой пластинки диск.
Голос Сорпона Этенова
Слышу снова.
Снова дорогой отцов
Я спускаюсь вниз,
Словно таинственный вестник
Всего былого.

¹ И к й л и, к а м у с — национальные музыкальные инструменты.

Медленно тает на пашнях
Прохладный снег.
Небо и земли дымятся
Живым дыханьем.
Пик Уч-Сумера
Белеет который век
И ослепляет глаза
Голубым сверканьем.

Снова кукушка поет,
Забыв о зиме.
Зеленью каждый пригорок
Опять покрыт.
Вновь в Согодеке и в Ак-Каме
Слышен табунный топот звонких копыт.
Боже!
Чего в этой музыке только нет!
Счастье, и плач,
И беды бестолковой бег.
И сквозь меня пролетает
Вереница лет.
Счастье и горе,
Сплетаясь, звенят во мне.

Медленно кружится
Старой пластинки круг.
И воскресает старый
Сорпон Этенов.
И на мгновенье
Я забываю вдруг
Все, что люблю:
И Бетховена, и Шопена.

* * *

Все в мире в движении.
Вот по траве молодой,
Приветствуя криком призывным
Зеленое лоно,
Бежит белоснежный ягненок
Под белой звездой,

Которая тихо скользит
По небесному склону.

О господи, люди,
Какая вокруг красота!
Бежит белоснежный ягненок
Под белой звездой.
Бежит одинокий ягненок.
Откуда? Куда?
Он ищет отару?
А может быть,
Счастье степное?

Взгляните на небо.
Какой удивительный вид
Откроется взору
В окошке ночного всевластья!
В степи Кош-Агача
По темному небу скользит
Большая звезда,
Предвещающая удачу и счастье.

Мне кажется, в небе
Земные звенят голоса.
Быть может, ягненок
На небе в звезду превратился?
А может, звезда
Подарила ему небеса,
Спустилась на землю —
И наш Кош-Агач осветился.

ТРИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮБВИ

1.

При взгляде на вечернюю звезду
Тебя, родная, вспомнил я тревожно.
Неяркий свет ее сквозь высоту
И на твое лицо упал, возможно.

Мой взгляд во мгле больничного окна
Вновь со звездой встретился одною...

Ее спокойствие и белизна
Напоминает имя мне родное.

Как хорошо, что в этом мире есть
Та женщина. Но как, пока не поздно,
Мне сообщить ей горестную весть,
Что заболел я?

Передайте, звезды!

2.

А над больницей — белый самолет.
И он тебя напомнил мне, родная.
Я совершаю мысленно полет
В твой снежный край, и я дорогу знаю.

Лечу. Меня качают ветерки
И небо подпирает облаками,
Мне люди вслед глядят из-под руки
И машут мне приветливо платками.

Внизу зеленых летних гор хребты,
Лишь Уч-Сумер белеет снегом странно...
Джайлау... Вижу юрты с высоты,
Гурты овец, верблюжьи караваны...

И слышу голос явственно я твой:
— Попей кумыса. Славно, что приехал.
Как ты спустился с высоты такой? —
В глазах смущенье пополам со смехом.

Но улетает белый самолет.
В твой снежный край меня нести не хочет.
На той же койке ночи напролет
Все та же боль меня гнетет и точит.

3.

Когда запели утренние птицы,
Опять твою я вспомнил доброту.
Роса на влажных травах серебрится...
Я возвращаюсь в давнюю мечту.

В такое точно утро, на рассвете
Однажды птицы разбудили нас.
Мир зеленел в прозрачном белом лете.
Росли быстрее деревья в этот час.

Не омраченный тучкой ни одною,
Над нами купол неба голубой.
Сквозь сердце счастье плещется волною.
Мы молоды, бессмертны мы с тобой.

Разлука? Мы с тобой такого слова
Не слыхивали средь весенних дней.
Болезнь? Но среди счастья золотого
Еще и знать не знали мы о ней.

...И вот болею. Из страны далекой
Когда же в город мой приедешь ты?
Лишь поутру звездой в ночи высокой
Мелькнул твой взгляд из недр моей мечты.

Ты так добра! Любовь твоя прекрасна.
Но мы с тобой на разных берегах,
Где молодость былая ежечасно
Льет слезы. Брода не найти никак.

МОРСКИЕ КАМНИ

В морских камнях очарованье,
Когда их окропит вода,
За кружевной прибойной тканью
Зажгутся яркие цвета.

Застыли камни в серой груди
На пляже галечном сухом,
Но приближенье волн разбудит
Их разговор, шуршанье, гром.

Вдруг красный камень зарокочет,
Как пал, сжигающий тайгу.
Зеленый камень забормочет,
Как травы ночью на лугу.

А голубой прошепчет тихо:
«Жить без любви мне нелегко...»
А желтый взглядом оленихи
Заглянет в душу глубоко.

А белый камень равнодушно
Молчит...
За это белизной
Та жизнь, где слов не нужно,—
Покой.

* * *

Мир весенний — как младенец!
Он собою не владеет:
То он лучиком играет,
То под дождик попадает.

Человек — дитя природы.
И в такое время года
Сердце плачет и смеется:
То замрет, а то забьется.

* * *

А река бежит куда-то в море.
Мчит все так же беспечально вдаль.
Умер друг мой. Дрогнул мир от горя.
Но реке неведома печаль.

Ей, живой, сверкающей и быстрой,
Не узнать, что умер человек...
Вечны горы. Звезды серебристы.
Все живет, как жило долгий век.

Властвуют рассветы над ночами.
Тихо распускаются цветы...
Пусть... Ведь если все отдать печали,
Сгинет день во власти темноты.

Мне кто-то,
Помнится, сказал:
— Страшнее ничего не знаю,
Чем человеческих глаз накал,
Когда в упор
И не мигая
Они глядят.
Подобный взгляд
Не выдержит
И волчья стая.

Мне кто-то,
Помнится, сказал:
— Нет в мире
Ничего добрее,
Правдивей, чище и нежнее,
Чем человеческих глаз накал.
Рассвирепевшая тигрица
Под этим взглядом усмирится.

ТЕНЬ РЕРИХА

Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной Азии.

Н. Рерих.
Из письма к В. Булгакову

Тень Рериха витает надо мной,
Он — горный дух,
Он — дух высоких странствий...
Белуха отливает синевой,
А на заре — кармином и багрянцем.
Так вы писали, так на полотне
Живут вершины —
Вехи нашей жизни...

Ваш голос в ледниковой тишине:
— Я здесь душою, на земле Отчизны.
Мой караван по-прежнему в пути.
Высокогорье — живописи чудо.

Зачем ты здесь?
Откуда, путник, ты?
— Я горец, я алтаец, я отсюда.
Я ученик ваш из других времен.
Из племени, воспрявшего недавно.
Но внятен мне ваш кочевой закон,
Влечение ввысь художника — понятно.
Но как несли подвижнический крест,
Откуда воля красок, трепет линий,
Чтоб гималайский белоснежный блеск
Предстал глазам людей надеждой синей?
Чтоб отогрел внезапный колорит
Скалу немую на холодном склоне?
Поведайте, учитель, как горит
За гребнем гор упрятанное солнце...

— Не спрашивай. Ты все поймешь, когда
Тебя удачей одарит
Судьбина —
И родина, природа, высота
В душе твоей сольются воедино.

* * *

Наш мир, прозрачный, как ручей,
И пестрый, как цветы,
Не пожалеет для людей
Добра и красоты.

Он безвозмездно нам отдаст
Пьянящий воздух гор,
И белоснежный хрупкий наст,
И солнечный простор,

И звон весеннего дождя,
И мерный шум реки —
Возьми цветущие поля —
Возьми и береги!

Но хлеб, любовь, и честный труд,
И счастья светлый храм

Нам даром не преподнесут —
О них подумай сам.

* * *

Мир природы бескорыстен,
Безвозмездно дарит он
Тень и шелест сочных листьев,
Капель плодородных звон.

Мир природы неизменен
В широте и доброте,
Чист, невинен, откровенен,
Как родник в земном пласте.

Он взаимною любовью
Связан с разумом людей:
Хлеб и соль, вино к застолью —
Все бери, и ешь, и пей.

Но, природы гость, хмелея,
Дом хозяйский не сжигай!
Даже в щедрости есть мера
И терпению есть край.

Нерасчетлив и нескрытен,
Виден вглубь, безбрежен вверх,
Мир природы беззащитен —
Помни это, человек!

* * *

Море, спасибо за воспоминания,
Ты, как никто, их умеешь разжечь:
Сопки осенние...
Конское ржание...
Черного кедра невнятная речь...

И красно-желтою лиственной тучею
Горное лето летит над водой
И пропадает за дальней излучиной.

Море, спасибо тебе за созвучие
С чистой предзимней печалью родной.

Сначала, море, ты сверкнуло
Вдали, как сказочный огонь,
Потом навстречу протянуло
Свою огромную ладонь.

Лежат просторы, голубея,
Под небом, тоже голубым...
Ты видишь, выбрался к тебе я
Уже не слишком молодым.

Уже мое, еще чужое,
Не разморенное в тепле,
Ты, море,— самое большое,
Что под небом на земле.

Наверно, ты и можешь много —
Живое, с кружевной каймой,
Так помоги мне, ради бога,
Мою усталость, море, смой!

Лицо неюного мужчины
Соленой влагой окати,
Со лба волнистые морщины
В живые волны преврати.

Умчи в неведомые дали —
Пусть буду снова молод я,
Таков, каким меня видали
В далекой юности друзья.

Пусть сердце вновь костром задорным
Горит, бросая свет во тьму,
Пускай придут по тропам горным,
Как встарь, охотники к нему!

Ты слышишь? Помоги, как можешь,
Рубеж старения отсрочь,
Ведь если ты мне не поможешь —
Кто сможет, море, мне помочь?

САНИ

Трещит мороз, скрипят снега,
Звонящим ветром ночь замело.
Люди починают стога.
Саням от снега — ох! — тяжело.

В теплой кошаре спит овца.
Ей снится сон про корма.
Поэтому сани идут без конца,
Как ни скрипит зима.

Подковы звенят, стучат, гремят
По льду. Снега все белей.
Сена сладостный аромат
Вдыхают ноздри полей.

Вот в такой морозный день
На снежной целине
Далеко слышны голоса
В безлюдной тишине.

Кто-то на передних санях
Песню затянул.
Звон высоких синих небес
К этой песне примкнул.

Сверкающий след вдоль зимы лежит.
Луна по санному следу бежит.
Санний поезд снега ворошит,
Шурша, подъем берет,
И вместе с ним моя душа спешит вперед.

* * *

Часто в снах моих вижу картину все ту же:
дивным алтайским альпийским лугам на ладони
с неба спускаются тихо и плавно, как души,
солнцеподобные, луноподобные кони.

Белые кони спускаются с неба кругами,
воздух вдыхают прохладный и девственно-чистый,
трогают землю — как будто целуют — губами,
мирно катаются в мягкой траве шелковистой.

Как хорошо мне! Господствуют в мире зеленом
чувство простора и светлое чувство покоя.
Слышу: кукует кукушка в лесу отдаленном.
Чутко ступая, косуля идет к водопою.

Мирные, нежные, душу влекущие звуки!
Будто вовеки на свете не ссорились, не воевали,
будто уж тысячу лет на земле нет ни горя, ни муки,
будто глаза мои жгучести слез никогда не знавали...

Смутно лишь слышится, ржут где-то кони — как
стонут!
Гибнет на mine корабль, водяные воронки струятся,
в море бескрайнем беспомощно лошади тонут,
тщетно к зеленому берегу кони стремятся.

Только не верится этой мучительной боли!
Бред мой, кошмар мой — видения странные эти!
Может ли быть, чтобы люди коней потопили?
Это, наверное, было не здесь, не на нашей планете!

— Здравствуйте! — я говорю,
невесомые гривы лаская,—
здесь я хозяин. Резвитесь, паситесь на лоне
вольных лугов лошадиного рая — Алтая,
солнцеподобные,
луноподобные
белые кони...

* * *

Вечером не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Детям будет страшно.
Будут плакать всю ночь.
Зимою не умирайте,
Люди, прошу я вас:

Мерзлую, твердую землю
Тяжко долбить, невмочь.

Утром не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Как же так, вы уйдете,
А солнце взойдет без вас.
Утро — начало дела.
Утро — начало пути.
Как, не закончив работы,
Сможете вы уйти!

Не умирайте, люди, утром, пожалуйста!
И вообще
Никогда,
Никогда не умирайте, люди!

«Мне кто-то...» Перевел А. Преловский	87
Тень Рериха. Перевел Ст. Куняев	—
«Наш мир, прозрачный, как ручей...» Перевел А. Преловский	88
«Мир природы бескорыстен...» Перевел Ст. Куняев	89
«Море, спасибо за воспоминания...» Перевел Ст. Куняев	89
«Сначала, море, ты сверкнуло...» Перевел И. Фояков	90
Сани. Перевел Б. Слуцкий	91
«Часто в снах моих вижу картину все ту же...» Перевел И. Фояков	—
«Вечером не умирайте...» Перевел Б. Слуцкий	92

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Борис Укачинович Укачин

ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ ПО ЗЕМЛЕ

Стихи

ИБ № 9347

Ответственный редактор *И. М. Пугачева*. Художественный редактор *Е. М. Ларская*. Технический редактор *Е. П. Кудиярова*. Корректоры *И. Б. Котунова*, *Т. А. Нарышкина*. Сдано в набор 06.01.86. Подписано к печати 27.05.86. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,31. Уч.-изд. л. 4,88. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2531. Цена 45 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

45 коп